

Борис
Абрамов

Посвятив себя врачеванию

Записки альпинистского врача
Простые люди большой войны
Картинки из прошлой жизни

Борис Абрамов

Посвятив себя врачеванию

ИД "Пегас Арт"

2023

УДК 82
ББК 84(0)6

Абрамов Б. И.

Посвятив себя врачеванию / Б. И. Абрамов — ИД "Пегас Арт",
2023

ISBN 978-5-6049713-0-7

Книга «Посвятив себя врачеванию» представляет собой ценнейшее литературное и культурное наследие... Автор книги Борис Абрамов – врач от Бога, талантливый писатель и добрый открытый человек, сохранивший душевность и трогательное искреннее отношение к людям. В своей книге Борис делится редчайшими историями о своей врачебной службе в горах, историями дружбы, любви и смерти. Последней в книге много, ведь альпинистский спорт – очень опасный... Однако сборник пропитан не трагизмом, а наоборот – нежностью и трогательностью души, готовой гореть и сгорать во имя любимого дела. Прочитав рассказы Бориса Абрамова, вы поймёте: альпинизм – это не только спорт, который учит подъёму в горы. Это спорт, который растит людей с большой буквы, и другого варианта не дано.

УДК 82
ББК 84(0)6

ISBN 978-5-6049713-0-7

© Абрамов Б. И., 2023
© ИД "Пегас Арт", 2023

Содержание

От редактора	6
От автора	9
Записки альпинистского врача	11
Стена Опального Барда	12
Карлуша	15
Ледник Абрамова	18
Зуб. 1973 год	20
Божественная трагедия	22
Когда умирает праздник	27
Назад, к жизни	30
Штурм. Пик 7495	33
Забияка	36
Когда замерзало солнце	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Борис Абрамов

Посвятив себя врачеванию

© Абрамов Борис, 2023

© Чернова Елена, рисунки, 2023

© Издательский дом «ПегасАрт», 2023

От редактора

Дайте человеку цель, ради которой стоит жить, и он сможет выжить в любой ситуации.

Иоганн Вольфганг Гёте

Дорогой читатель, возможность написать эти строки – большая честь для меня. Так же, как и для вас – большая честь держать в руках эту книгу. Возможно, её посоветовали вам прочитать, или вы лично знаете автора, или интересуетесь альпинизмом... Неважно, каким образом к вам попала «Посвятив себя врачеванию». Важно то, что это произошло, и вот сейчас я, выпускающий редактор этой книги, веду с вами диалог. Через несколько страниц закончится моё выступление, и с вами заговорит сам автор Борис Исаакович Абрамов, ради чего мы здесь и собрались. Вы с большим трепетом перевернёте страницу первого рассказа «Стена Опального Барда», и он вызовет слёзы и щемящее чувство восторга и сопереживания в груди. Если вы сентиментальны, готовьте салфетки заранее. Истории, написанные Борисом Абрамовым, невозможно читать с безразличным или скучающим видом. Потому что жизнь в них настолько «живая», что иногда она такой не бывает даже в реальности...

Горные вершины манят своей таинственностью и величием, а кровь холодят множественные рассказы о трагичных судьбах смельчаков, так и не одолевших подъём и навеки похороненных на горных склонах. Простому обывателю, который каждый день ходит по ровному асфальту в разношенных кроссовках или нарядных туфлях, старается везде передвигаться на машине, в жару сидит под кондиционером, а в морозы и носу на улицу не высунет, не понять, каково это – ютиться в одной палатке насквозь промокшими, когда снаружи бушует вьюга, а у вас с товарищем – всего-то пара сигарет да остатки спирта на дне банки. Грамм двести всего, а то и тех не наберется...

Не понять нам, обычным гражданам своей страны, привыкшим здороваться скупым рукопожатием и прижиматься к дверям поезда в переполненном вагоне метро, каково это – засыпать, прижавшись к товарищу, и греться друг о друга, как озябшие котята. Потому что иначе – смерть, а смерти не хочется, пускай и ходит она за тобой по пятам, и видел ты её столько раз, что давно сбился со счёта.

«Дай пожить немного, дай пожить ещё немного»... – только и крутятся в голове эти слова из песни Александра Васильева «Праздник».

Склоны Тянь-Шаня, Памира и других горных массивов притягивают искателей острых ощущений и после первого же подъема обращают гостей в своих друзей, братьев, а также вечных жителей. Пока смерть не разлучит их, а, может, и не разлучит вовсе, а соединит навеки их тела с ледяной земляной коркой, присыплет снегом и никогда не вернёт семьям.

Прочитать книгу «Посвятив себя врачеванию» – это как прожить ещё одну жизнь, маленькую, короткую, но в горах. И, знаете, всё у Бориса Исааковича в этом сборнике рассказов получилось: и убить искромётностью языка, и воскресить бесконечной любовью и широтой души, и вдохновить читателя на его собственный личный подвиг. Когда закрываешь книгу, с тобой остаётся смесь чувств, похожая на наваристый душистый хаш – обжигает горло и оставляет сладкое послевкусие, которое врезается в память и сопровождает тебя всю оставшуюся жизнь. Пройдут годы, постареешь, забудешь, в какую школу ходил и как звали твою первую любовь. А вкус этого наваристого настоящего хаша вспоминается без усилий, как будто был он в твоей жизни только вчера. Вот такие же по глубине своей рассказы Бориса Абрамова – их невозможно забыть.

Героям и характерам в книге стоит отдать особое почтение. А ведь все они: Арлекин, Британец, Шахиня, Есенин, внук Есенина, Чарли и многие другие – реальные люди. Это даже

не герои, у которых есть прототипы. У каждого из них – самобытный, неповторимый характер, который нужно было просто правдиво и искренне описать. В книге нет придуманных характеров и людей. Бориса Исааковича обошла распространённая писательская необходимость сидеть за компьютером и мучительно долго придумывать, из каких персонажей собрать сюжет. Он просто писал – увлечённо и искусно, писал о тех, кого знал, и о том, что видел. И что прожил, конечно же...

Горы невозможно описать, их нужно видеть. Вот поэтому полноценным соавтором книги можно смело считать Константина Минайченко – фотографа, которому принадлежит большая часть размещённых фотографий. Иллюстратор книги Елена Чернова многие портреты нарисовала по этим фото, таким образом увековечив героев не только в цифровом виде, но и в карандаше. Благодаря этим чудесным фотографиям мы можем как наяву увидеть Пик Евгении Корженевской, вершины Тянь-Шаня и Памира глазами легендарной группы Эльчибекова – самого Британца, Лябы, Фреда, Шахини, Айболита... Как много героев было в начале пути, как мало осталось их на последних страницах... И ещё меньше их осталось в жизни. Тем ценнее этот труд, это издание, и тем глубже благодарность всего мира книжников и мира альпинистов Борису Исааковичу за то, что он нашёл время, не побоялся ещё раз пережить за написанием многие трагические моменты, и таким хлёстким и обволакивающе заботливым языком написал каждую из историй.

Среди рассказов невозможно выбрать любимый. Они все, как бусинки, нанизаны на нить и вместе составляют ожерелье. «Дорога к признанию», «Забияка», «Ледник Абрамова», «Шаги над бездной»... Каждый из сорока двух рассказов мне хочется выгравировать на медальоне и носить у сердца, так дороги они стали мне... Технически это, конечно же, невозможно, разве что обратиться за помощью к Левше, который подковывал блоху, или Илону Маску с его инновационными технологиями. А пока есть эта книга, которую тоже можно в холодный морозный вечер прижать к груди и представить, как тепло из огромного сердца Бориса Исааковича согревает и тебя.

В этой книге – не просто воспоминания об ушедших днях. В ней – сердце человека, любящее, благородное и храброе сердце. Оно заслуживает отдельного места и в книжном магазине, и в домашней библиотеке.

Напоследок скажу ещё кое-что... Борис Исаакович Абрамов – не только виртуозный рассказчик на бумаге, но и интереснейший собеседник в личном общении. Однажды, замороженно прослушав одну из поразительных историй об альпинизме, жизни и смерти, которых у него в запасе тысячи, я задала вопрос, который не давал мне покоя с самого начала работы над книгой...

Если это так опасно, зачем же люди идут в горы снова и снова?

«Причина тому – что только находясь в ситуации, когда есть необходимость испытывать себя и выживать, человек по-настоящему живёт. Мы привыкли к комфорту, он разворотил наши души и тела. Человек, который не испытает риска, спит. Он столько спит, сколько живёт в комфорте. Самой природой заложено, что в нас преобладает животное нутро – бороться с обстоятельствами и через преодоление самого себя и внешних опасностей становиться лучше. Лишь единицы испытывают в жизни реализацию себя через истинное предназначение, генетически заложенное в каждом. Но стоит однажды ступить на эту тропу, как тебя засасывает и ты идёшь в горы несмотря ни на что. Даже холод, осознание опасности, страх за близких и скорбь о погибших товарищах – ничто не останавливает тебя. Вот почему тот, кто пробует однажды подняться в горы, будет ходить в них всю жизнь до глубокой старости. Потому что альпинизм – это и есть роскошь жить настоящую жизнь человека, проснуться однажды и познать этот мир на все сто процентов».

Читайте с удовольствием! Ждём ваших отзывов на книжных сайтах и в личных сообщениях Борису Исааковичу на почту b_abramov1@outlook.com.

Выпускающий редактор, член Профессионального Союза писателей России
Елена Обух

От автора

Мой уважаемый читатель, первоначально работая над своими записками, я не претендовал на создание хронологически точного и фундаментального труда, как это сделал мой друг и достойный альпинист Георгий Калинин, который годами, скрупулёзно и постоянно, собирал материал о нашей яркой команде, половина которой уже мирно и тихо отошла в лучший мир.

У меня же – просто отдельные листки из тетради, исписанные на ходу, без всякой хронологии, записки о тех моих друзьях, с кем я имел честь делить голод и холод, радость трудных побед и горе сокрушающих потерь. На этих листках-записках, иногда подмоченных талой ледниковой водой, пролившимся супом, а иногда с каплями крови на краях, я стремился передать дух и нравы, царившие не только в нашей, но также и в других элитных командах той поры – поры, безвозвратно ушедшей вместе с этими неповторимыми людьми, которых потребовало время, время борьбы за покорение гигантов.

Такой была наша команда – команда Вадима Эльчибекова. Такими были Ванда Руткевич и её команда, Ерванд Ильинский, Борис Студенин, Валерий Хрищатый, отчаянная команда Беззубкина, «Снежные барсы» Камчатки и многие другие, с кем мне довелось встретиться в горах, такими были, судя по описаниям, Герман Буль, Райнхольд Месснер и Вальтер Бонатти.

Время безжалостно... И, не желая уносить с собой в бесконечность всё, чем я жил, будучи ещё в ясном уме, но уже с небольшими прорехами в памяти, я постарался изложить всё это как можно правдивее и честнее, хотя не удержался, конечно, от художественного вымысла. Судя по отзывам ещё живых участников тех событий, истина из-за этого не пострадала.

Иллюстрируя свои записки, я беззастенчиво использовал фотоснимки, любезно предоставленные мне моим другом Константином Минайченко, МС, профессиональным фотографом, чемпионом СССР 1975 года (я не сказал экс-чемпионом, потому что пройденный им маршрут никто так и не смог или не желал повторить в течение уже сорока лет), а также слайды, порой выцветшие от старости, переданные мне моими товарищами по команде для написания этого труда.

Вынеся на суд читателя мои записки, хочу напомнить, что я не писатель, а всего лишь альпинистский врач, каких было немало в наших горах того времени и которых обстоятельства побуждали проявлять свой профессионализм и мужество в экстремальных условиях, вызывая восхищение коллег и глубокое уважение своих команд.

Спустя год после выхода первого издания, получив уже готовую книгу, по многочисленным просьбам я продолжил публиковать мои воспоминания, которые, как оказалось, интересны не только моим товарищам по команде, но и многим альпинистам, горным туристам и просто людям разных поколений. Я благодарю моего друга Никиту Степанова, «Снежного барса» и прекрасного человека, оказавшего мне гостеприимство в Москве, и его супругу Ольеньку, очень искренне и с открытым сердцем полюбивших моих друзей по команде, о которых я упоминал в своих записках. Этих людей взаправду можно потрогать и спустя годы, потому что они не были выдуманными персонажами.

Мне нередко приходят известия по телефону, по скайпу, в личных сообщениях от тех моих друзей, которых я так и не смог пока увидеть. Разбросанные судьбой по всему свету, не все из них сумели приспособиться к нынешней среде обитания, но, читая мои рассказы о себе, вспоминают, кем они были, и это помогает им жить дальше...

После долгих раздумий я начал писать новую серию рассказов – про обычных людей, и не всегда ангелов, о наших соседях по улице и двору, по уникальному для нас городу Ташкенту, где мы росли, откуда мы ушли в горы и куда мы всегда возвращались. Мы приносили в нашу обыкновенную жизнь приобретенный в горах этикет, делая его нормой жизни на работе и в

семье. И уже не умея жить по-другому, удивлялись и не знали, что отвечать нашим детям на вопрос, почему мы не такие, как все.

Менялись наши дети, и мы становились им примером. И хотя мы просто пытались выжить от экспедиции до экспедиции, а в экспедициях нормально жить, в это же время незаметно влияли на наших соседей и коллег, которые перенимали наши правила, открывая в себе способность сострадать, приходить на помощь и заботиться друг о друге.

С первого курса медицинского института я хорошо помню заключительные слова яркой и талантливой завкафедрой биологии: «Девяносто процентов вашего тела, натуры и личности – это генетика ваших предков, десять процентов – это воспитание. Но воспитание – это тоже генетика, которая, отсеивая ненужную или неприемлемую для вашей натуры информацию, легко усваивает то, что для вас приемлемо».

Так получилось, что, приняв помимо своей воли генетический комплекс моего прадеда – профессионального борца, исследователя, путешественника и непоседы, я каким-то непостижимым образом повторяю примерно всё то, что он совершал в своей жизни. Я всегда помнил его спящим, под тяжестью лет и перенесенных на Колыме лишений, в кресле, с большими серебряными часами на груди, которые ему вернули, отпустив на свободу. В один из редких моментов просветления он поведал мне об удивительном пешем путешествии от Ташкента до Стены Плача и обратно. Он совершил его с двумя товарищами и написал об этом книгу, которую пытался издать уже после революции. Его арестовали за шпионаж, а изнасилованная рукопись пропала где-то в архивах ЧК. И когда я спросил его, каким образом он прошёл сквозь мусульманские страны без оружия и вернулся невредимым, он ответил, что люди везде относились с уважением к любой религии и ждали от него уважения к их собственным обычаям и их религии, что искренность его слов и поступков открывала двери их домов и он всегда и везде находил кров, пищу, место, где можно помолиться, и дружескую беседу.

Однажды мать принесла мне газету, где был описан подвиг врача-альпиниста Эдуарда Липеня, прошедшего на стене трепанацию черепа. Когда был снят последний отломок кости с вещества мозга, больной открыл глаза. Это стало завершающим толчком для меня, и все последующие месяцы я искал встречи с Вадимом Эльчибековым – тренером одной из лучших команд страны – в надежде получить у него место врача. Я одолел многолетний, тяжёлый и болезненный путь к признанию в команде, и имел счастье работать вместе с Эдиком Липенем в период первой экспедиции на зимний пик 7495 – пик Коммунизма. Я сожалею, что наша совместная работа длилась только месяц, и я сожалею, что сейчас его уже нет среди живых.

Всю мою жизнь я продолжал и продолжаю пользоваться универсальным ключом, открывающим сердца людей, который вручил мне мой прадед. Я познал дружбу и братскую приязнь моих товарищей по команде, я дружил со многими людьми из других команд и искренне и всячески им помогал, не спрашивая ничего взамен.

Я написал достаточно рассказов о нашей жизни в горах, чтобы получилась небольшая книга, которая полюбилась всем вам, потому что мы продолжаем дышать одним и тем же воздухом гор, продолжаем верить сказанным словам и свято придерживаемся Божьих заповедей, следуя правилам нашего этикета, приобретенного в горах.

Я благодарю вас, моих читателей, за поддержку и, надеюсь, это издание будет вам интересно.

Записки альпинистского врача

Стена Опального Барда

В начале каждого альпинистского сезона Айболит отсыпался от тяжёлых дней и ночей в реанимационной. Ему снился в это утро его фирменный сон: остывающий труп девочки на каталке в полутьме рентгенкабинета, умершей по его вине. Он проснулся. Почти полдень. Приложился к плоской металлической фляге. Но сегодня легче не стало. «Значит, отоспался, – подумал он, – пора на работу».

В полдень на связь не вышли Худой Бык и Чарли. Увидев врача подшофе, да ещё с утра, Арлекин нахмурился, но ничего не сказал. Предложил забрать с собой Галогена и, подойдя как можно ближе под стену, попытаться связаться с Чарли.

Стена Опального Барда, пройденная только два года назад, получила безоговорочное золото в техническом классе на Союзе, её классификация 5Б была явно занижена. Почти вся вертикальная, высотой более тысячи метров от подножия, она имела три ряда карнизов, обойти которые не представлялось возможным. Кроме того, изобилие отрицательных участков требовало отточенного мастерства и более чем отличной выносливости. Единственный плюс – это то, что стена была сухая и тёплая.

Им оставалось пройти последний карниз и надкарнизный монолит, когда откуда-то принесло переполненное дождём и снегом облако, монолит стал мокрым, и только что вылезший на него Чарли сначала заскользил, а потом ушёл в свободном падении до верхнего крюка, который, конечно, вырвало, а на следующем его задержал Худой Бык, верёвка спружинила, пошёл маятник, и Чарли начало колотить о скалы. Он сначала отбивался руками, пока их не сломало, затем его развернуло, последний удар пришёлся сзади и слева, сломало два нижних ребра и, как выяснилось намного позже, повредило селезёнку. При помощи полиспаста в одиночку его поднял Худой Бык, усадил на терраску под карнизом, обработал раны с костными отломками в области локтей, сделал лубки из галош, вколол морфий и стал готовить чай, сжигая остатки

галош. Вот эту информацию, чёткую и полную, и принял Айболит уже под стеной в четыре пополудни по аварийной связи от Худого.

– Я приду к вам, пацаны. Продержитесь до меня, – Айболит вспомнил пожилого стройного узбека с военной выправкой, с орденом Отечественной войны на лацкане серого, отлично пошитого по фигуре костюма. Этот врач читал серию лекций о военно-полевой хирургии, в одной из которых он повёл речь о влиянии морального состояния воинского контингента на выживаемость и заживление ран, дав многочисленные примеры, когда при отступлении ранение в руку становилось несовместимым с жизнью, а при наступлении люди, прошитые пулемётной очередью, уже через две недели просились в бой, а их раны заживали первичным натяжением, мало того, выживаемость раненых, остающихся долгое время на поле боя, во многом зависела от надежды, что к ним придут и их вынесут.

Выходит, если Айболит не начнёт двигаться вверх, Чарли, вероятно, помрёт к утру, и тогда будет идти речь о Худом, который рядом с умершим другом, без надежды на скорое спасение, без еды и питья – ведь стена сухая – будет слабеть с каждым часом. Всю информацию, полученную сверху, и своё решение Айболит запиской передал Арлекину, послав с ней Галогена, вдобавок он попросил прислать брифкейс с надписью «АЙБОЛИТ». Обычно он собирал его заранее для подобных случаев: там были наркотики, капельница, полиглюкин, всякие ампулы, некоторые хирургические инструменты – всё необходимое для первой врачебной помощи.

Проведя ночь под стеной с наскоро собранным отрядом, он вывел его на вершину по простому пути уже в полдень и предложил кому-нибудь из парней добровольно идти с ним на спуск по стене. Предложение было явно самоубийственным, и на лицах ребят он читал откровенный страх, и только их глубокое к Айболиту уважение предотвратило готовящийся взрыв негодования. Айболит же знал одно: пока он идёт, Чарли будет жить. Он также знал, что привёл на вершину мужиков в хорошей форме и, хотя они и боятся (а не боятся только дураки), будут делать что требуется, а мужики в свою очередь знали, что доктор ничего не делает зря и за каждого из них он так же, как и за Чарли, не колеблясь, полезет в ад. Вызвались идти все, но Айболит взял лучшего из них скалолаза, и это было справедливо.

Чарли ещё был жив, но разумного объяснения этому не находилось. На сеансах связи он просил врача и примус. И когда Айболит с Бельмондо с вершины начали спуск по этой богом проклятой стене, он понял, что слишком много обещал Худому Быку и Чарли, потому что один неверный шаг может привести к срыву, а верёвка только даёт шанс к спасению, а его срыв создаст безнадёжную ситуацию. Он не лазал по скалам уже лет десять, а тогда спускались в основном с верёвкой через карабин и плечо, а здесь ему дали восьмёрку и наскоро показали, как ею пользоваться. Как альпинист он понимал весь абсурд, в который влез и вовлёк Бельмондо, а ведь у него тоже были дети, но как врач он не мог остановиться, потому что Чарли тогда просто и без затей умрёт.

Уже заходило солнце, и Айболит потерял счёт пройденным верёвкам, смотрел на предельно уставшего Бельмондо и мечтал об орле, который перенёс того, книжного Айболита, через горы. Видимо, Бог услышал его молитвы, сверху спустился Боец, свежий и полный сил, сменив Бельмондо, который тут же пошёл вверх по проложенным перилам.

Уже наступила ночь, но спуск продолжался при свете фонаря, которым они освещали друг другу зацепки, Боец на связи обильно поливал матом всю стену, Айболит от него не отставал, и, наконец пройдя этот злосчастный монолит, спустившись по карнизу, они лицом к лицу встретились с Худым Быком. И то, что в половине третьего ночи предельно измотанные, без специального снаряжения, Айболит и Боец спустились к Чарли, это было невероятно даже для них, и в этом они узрели руку провидения. Удивительно, но Худой был в ясном уме и энергичен, несмотря на более чем суточную голодовку, а состояние Чарли тоже не походило на агональное. Первое, что Чарли сказал, полностью подтверждало концепцию того отставного

военного врача: «Я тебя ждал и не умирал, и теперь не умру». Айболит приступил к осмотру, пульс был устойчивый, ритмичный, дыхание ослаблено в нижних отделах, но тревоги не вызывало, живот резко болезненный, доскообразный, при питье тошнота и рвота, два нижних ребра слева сломаны, что указывало на явную катастрофу в брюшной полости. Обе сломанные руки ещё Худым Быком были грамотно перевязаны и в лубках, раны не кровоточили. Укол морфия, шприц, улетая, даже не ударился о скалу. У Айболита был металлический брифкейс типа «АЙБОЛИТ», там было всё, даже капельница и полиглюкин, но он, рассудив, что от добра добра не ищут, пока ограничился только морфием.

Мутный и серый рассвет, словно с похмелья, медленно вползал в каменное ущелье. Папаша, вероятно, уже свалил в синагогу, а жена и дети ещё дрыхнут. Айболит сидел на небольшой каменной террасе, на коленях покоилась голова спящего Чарли, ноги свисали в никуда, а далеко внизу, мило журчала речка, он видел её в проекции промеж своих стоп. Холодное и короткое азиатское утро слегка освежило, голова прояснилась. Чуть правее и повыше сидели Боец и Худой Бык. Захотелось водочки натошак и яичницу. Айболит вспомнил, что все они не ели более полутора суток, а одну-единственную сигарету выкурили с Бойцом на пару ещё в полночь, на ходу. И ещё он удивлялся, что все они до сих пор живы и всё-таки вместе...

Сверху слышались голоса, это пришли мужики с основного состава, принесли еду, верёвки, крючья. Чарли спускали в сидячем положении, остальные сами. Айболит, воспитанный на абалаковском поясе, с трудом принимал беседку, которая пришлась не по размеру и сбивалась между ягодицами, давила на причиндалы. Он просто затянул пояс потуже и протягивал верёвку через карабин и восьмёрку. Спускались медленно, подолгу торчали на станциях, ожидая, когда Чарли придёт в себя, потом снова всё приходило в движение.

Там, далеко внизу, у речки, сидел Мамонтёнок, первопроходец этой стены, который, корректируя спуск, значительно упрощал и сокращал их усилия. Айболиту уже надоела вертикаль, уже хотелось просто лечь и растянуться у речки, если там ещё есть и трава, то на травке. Только поздней ночью, закончив спуск, всадив очередной морфий в Чарлино бедро и, сдав Чарли Олегу, второму врачу, хирургу, он подошёл к Мамонтёнку, принял полстакана спирта, занюхал сухариком и просто лёг на траву. Он не чувствовал, как под его голову подложили мягкую куртку и укрыли одеялом. Он не будет видеть свой фирменный сон в течение целого месяца, потому что он опять сходил на работу и снова спас жизнь. Завтра, завтра прилетит вертушка, а в ней будет Исаак с длинными и точными пальцами, лучший хирург Памира, увезёт в госпиталь Чарли и Айболита, сделает лапароскопию, а по результатам, увидев полное брюхо крови, уберёт кровоточащую селезёнку, спасая Чарли ещё раз, но это будет завтра. А сейчас спать. Слишком много ночей не доспано за последний год...

Карлуша

Незабвенной памяти моей Рахили Галаятдиновой, первой женщины-чемпионки СССР в высотном классе, Шахни по сердцу и поступкам, посвящается...

Карлуша кричал страшно и тоскливо. Сквозь сон Доктор видел тёмный зал с большими стрельчатыми окнами, за которыми проглядывался ночной сад с нехитрым узором стволов и ветвей, за одним из окон билась об стекло и кричала большая чёрная птица. Доктор окончательно проснулся, протёр глаза, сел. Рядом глубоким сном усталого человека спала жена, в детской мирно посапывали сын и дочь. Исчезли зал и окна с садом, исчез Карлуша, а в ушах ещё стоит его крик.

Доктор прошёл на кухню, зажёл свет, взял сигарету, начал разминать.

«Что же он кричал? – закурил. – А-а, умер Хабибулин. – Доктор уже пятый день ожидал эту неприятную весть. – Позвонить в клинику? Нет. Дождись утра».

Хабибулин. Возраст – полтора года, первый и пока единственный ребёнок в молодой семье, болен пять-шесть дней, последние два дня не давал дотронуться до живота, в эти же дни многократная рвота, лихорадка. В приёмный покой поступил уже в крайне тяжёлом состоянии. Острый живот, перитонит, терминальная фаза. Когда в операционной Камил раскрыл брюшную полость, из неё хлынул гной трёх-четырёхдневной давности.

Там, у операционного стола, Камил честно и хорошо сделал своё дело, и анестезиологическое пособие было адекватное, и в шоковый зал мальчика внесли ещё живого, но конечности уже похолодели, кожа приобрела характерный мраморный рисунок, черты лица стали заострены, а склеры глаз были мутными. Потом Доктор говорил с родителями. И, глядя на них, сильных и подвижных, как молодые медведи, он вдруг подумал, что такие крепкие люди редки на земле, потому что вымирают по собственной беспечности. Он вступил в эту жестокую, безнадёжную и бессмысленную борьбу, приложив весь свой опыт и знания, а не сделал всё для

очистки совести и, чего греха таить, сделал ставку на мощный генетический фон, ведь мальчик был не по возрасту крупным и ширококостным. Ещё потому, что в той, другой и сейчас кажущейся нереальной жизни его научили побеждать...

Карлуша тоже был из той жизни, где однажды встала вертикально земля, солнце и ветра удалили всё непрочное и обнажили гигантскую пирамиду из розового мрамора, а люди дали название Хан-Тенгри. Штурм его вершины был всегда тяжёл и опасен, и поэтому у Доктора в базовом лагере всегда были наготове инструментарий и стерильные шприцы...

Он сбросил пепел с сигареты в большую морскую раковину, служившую ему пепельницей.

На Юго-Западном Памире Шахиня заболела. Нижнедолевая правосторонняя пневмония, залеченная в условиях базового лагеря, обрекла её на кухонные работы.

Чтобы развеять её тоску, Ткач однажды принёс молодую альпийскую галку с перебитой ногой, а ребята прозвали её Карлушей. Нога быстро срослась, и он вскоре бегал за своей хозяйкой, а однажды взлетел и сел ей на плечо. Такими их и запомнил Доктор.

Он, как всегда, возился в аптечке, вдруг поднял голову. Шахиня шла на фоне багрового заката лёгкой кошачьей походкой, прямые чёрные волосы падали на развёрнутые плечи с гордо посаженной головой, одетая в коричневые вельветовые брюки и длинный, до середины бёдер, свободный свитер, сквозь который слегка улавливались выпуклости груди. На плече сидит Карлуша.

Всю зиму Карлуша провёл у Шахины в доме. Ел вволю, ездил с ней на тренировки и превратился в мощную и крупную чёрную птицу, переняв гордость и независимость у Шахины, сидел у неё на плече, поглядывая на мир прищуренным глазом.

Поссорились они весной. В тот тёплый весенний вечер, когда солнце ещё не начало садиться, Шахиня спешила на свидание. В светлом кремовом платье с квадратным декольте, отделанным оборками в испанском стиле, с юбкой-воланом, слегка обнажавшей стройные колени, на высоком каблуке – ни дать ни взять индейская принцесса, она летела по тенистому бульвару, как вдруг откуда-то сверху, вырвавшись из дома на свободу, на её плечо камнем упал Карлуша и громко и весело заверещал. Тут он был не к месту, и Шахиня сбросила его резко и сильно. Карлуша с размаху брякнулся об асфальт, отлетел в сторону и впервые закричал страшно и больно, а у тех, кто его услышал, волосы встали дыбом, а кожа покрылась мурашками и в душу проник первобытный ужас. Крик оборвался внезапно, Карлуша метнулся вверх и исчез.

Шахиня бросилась домой. В наступающих сумерках она бродила по саду, звала Карлушу, но его нигде не было.

Всю ночь просидела она в тёмном зале, всматриваясь через большие стрельчатые окна туда, где проглядывался ночной сад с нехитрым узором стволов и ветвей, но Карлуша больше не появился.

Летом Шахиня погибла. Тело её привезли с гор, обмыли и после митинга в Доме культуры, согласно всем мусульманским законам, похоронили на кладбище, на южном склоне здорovenного холма, где трава в рост человека и где хоронят людей родом попроще.

Карлуша появился осенью. Страшно и дико кричал он в тот дождливый рассвет и бился о стёкла большого стрельчатого окна. Сколько ни звала его Шахинына сестра, в дом не залетал, а потом поднялся высоко и растворился в сером небе.

Спустя несколько месяцев, летом, кладбищенский сторож, совершая утренний намаз, услышал крик, от которого его обуял панический ужас. Там, на склоне здорovenного холма большая чёрная птица билась о надгробье молодой женщины и кричала дурным голосом.

Каким образом Карлуша распознал могилу Шахины и как узнал о её смерти?..

Вот уже более десяти лет Карлуша своим истошным криком сбрасывает Доктора с постели среди ночи, и именно тогда, когда умирает один из его пациентов, и ещё ни разу не ошибся.

Доктор затушил сигарету в раковине и посмотрел на неё внимательно. Много поколений она переходит от отца к сыну в их семье. Тело её моллюска давно истлело где-то на другом краю земли. На дне какого неведомого моря крепла она и росла? Какая неведомая жизнь и какие неведомые страсти кипели над нею в морской пучине? Много на белом свете тайн, и не дано познать их всего за одну жизнь.

А жаль, что Хабибулин умер, ведь уже шёл на улучшение. Может, Карлуша всё-таки ошибся? Надо спать, чтобы завтра быть в форме и встретить удар спокойно.

Всё выяснилось утром. Хабибулин был жив и жить будет. Но Карлуша не ошибся. Ночью на сорок первом году жизни скоропостижно скончался младший брат. Обширный инфаркт нижней стенки миокарда.

Ледник Абрамова

Долгий и раздражающий ночной телефонный звонок не прекращался до тех пор, пока не совсем проснувшийся Айболит не поднял трубку. Звонил сам Виталий Ноздрюхин. Айболит хорошо знал этого рослого пятидесятилетнего, уже начинающего тяжелеть атлета, в прошлом блестящего альпиниста, а ныне вполне успешного директора Гидрометцентра. «Где-то беда, – мелькнуло в голове, – придётся вылетать». «Доктор, на метеостанции на леднике Абрамова есть больной, в данное время из-за плохой погоды ни его вывезти, ни залететь туда невозможно. Начальник зимовки, Змей Горыныч, требует найти для консультации только вас. Через десять минут сеанс связи через Танк. Вы готовы?» – «Как пионер». – «Спасибо, ждите звонка из Танка».

Айболит помнил этот тяжёлый танк без башни, врытый в землю во дворе душанбинского гарнизона, весь напичканный суперсовременной аппаратурой с диапазоном постоянного приёма от Урала до Кандагара и от Каспия до Балхаша. Каждые восемь часов там сменялся рядовой срочной службы с прекрасной подготовкой. Несколько лет назад Айболит сам убедился в этом, когда связывался с Гусём, находящимся тогда с командой в Фанских горах.

Крепким чаем с лимоном и рюмочкой коньяка Айболит пытался привести в порядок свои уставшие мозги. До связи ещё пять минут.

Ледник Абрамова. Он никогда там не был, но слышал, что место живописное, метеостанция на высоте около пяти тысяч метров, состав зимовки – от академиков до амнистированных, но все живут дружно. Начальником – Змей Горыныч.

Змей Горыныч... Не прост, не признаёт авторитетов. Блестяще образован, обладает быстрым умом и способностью управлять ситуацией. Бесстрашен или умеет глубоко прятать страх, сильный альпинист, никогда не распускает рук и языка, денди, в отношениях с людьми чисто-плотен, руководитель, заставляющий, когда необходимо, себя бояться, обладает завораживающим взглядом, как у удава, за что и заслужил своё прозвище...

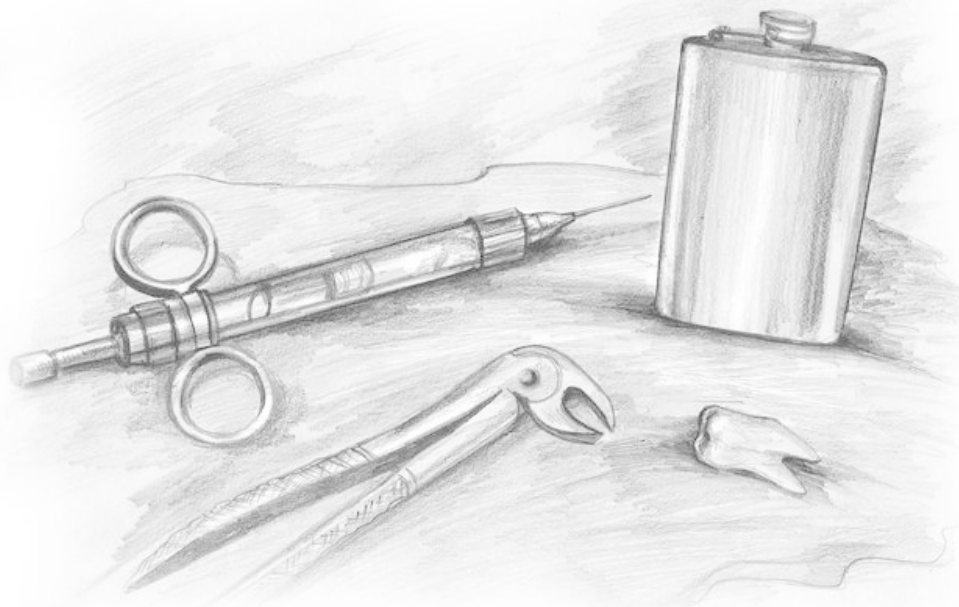
Айболиту он поверил летом, во время спасработ на Сковороде, и потом, когда они бегом по очереди несли на себе почти потерявшую сознание Славу КПСС...

Звонок. У солдата чёткий голос, без помех. Связь великолепная. Солдат докладывал всё, что Змей говорил по рации. Докладывал коротко, по-военному, и самое главное. Молодой тридцатидвухлетний мужчина, рабочий, не сидел (значит, туберкулёз исключается), не привит (а как допущен?), болен три дня, кашель, температура, сегодня слабость и одышка. В конце разговора Айболит попросил солдата соединить слуховую часть телефона с динамиком рации, а Змея – поставить слуховую часть рации между лопатками больного. Хрипы были слышны на вдохе больше, чем на выдохе. «Змей, это пневмония. У тебя есть антибиотики?» – «Подожди, посмотрю». Через некоторое время: «Есть стрептомицин, по пятьсот тысяч, двадцать флаконов». – «Отлично, по флакону каждые двенадцать часов. Хватит на десять дней. Парень оглохнет, но будет жить. Положи его голову в возвышенном положении и натри ему тело чем там у тебя есть – спиртом, салом, горячим маслом...» – «Будет сделано, конец связи».

Состояние улучшилось уже на другой день, а потом погода установилась и больного перевезли вертолётom в госпиталь на Большую землю.

Память хронически недосыпающего мозга выхватила ещё одну подробность. Айболит не помнил, где это было, но он помнил стол, обед, кучу гостей, Змея Горыныча в смокинге и со своей милой черноволосой и черноглазой женой, самого себя в смокинге, без жены. Они со Змеем сидели через стол, и после второй рюмки Змей, разгладив змеиные мелкие и хищные черты своего лица, улыбнулся и спросил: «А ты знаешь продолжение той истории?» – «Нет». «Приехал корреспондент, – он назвал очень влиятельную центральную газету, – спросил, ну что у вас было интересное, ну я ему и рассказал всё: и как ты прослушал лёгкие через телефон и рацию, и как спасли больного, кстати, он оглох, как ты и предсказывал, но не совсем, корреспондент спросил имена, записал, затем спросил отчества. Ну я сказал своё, а про твоё – что не знаю. Понимаешь, я – Израилевич, ты – Исаакович, я подумал, не слишком ли много соли... Так этот придурок дозвонился до академика Израэля, директора Всесоюзного Гидрометцентра, и стал спрашивать твоё отчество у него. Тот понятия не имел об этой истории, переспросил, корреспондент ему: “Вот на леднике Абрамова врачом Абрамовым через рацию и телефон...” и понёс весь этот бред, в конце концов спросил твоё отчество. Ну, Израэль решил подшутить и на бред ответил бредом. Сказал, что ледник был назван в честь царского генерала – топографа, первооткрывателя графа Абрамова, родственника самого царя, а ты его прямой потомок. Ну, тут наш корреспондент затрясся от страха и заявил, что ничего писать не будет». Змей Горыныч помолчал, а потом, презрительно глядя вдаль, сказал: «Воистину, дураки и трусы прогнозированию не поддаются».

Зуб. 1973 год

Зуб у Буха болел уже четвёртый день, и пора было его удалять, но у Айболита ни инструментов, ни навыков в этом не было. На поляне в ожидании вертолёт сиднем сидели восемь экспедиций и гоняли балду: футбольные матчи сменялись постройкой и запуском воздушных змеев, вокальными концертами, рыбной ловлей на булавку, охотой на зайцев, шахматами, галопированием на лошадях с погранзаставы – короче, развлечений хватало, врачей тоже, даже с избытком. Айболит даже знал точно, что двое из них были стоматологами, но при виде Буховой страдающей физиономии они повторяли как плохо выученный урок, что они терапевты.

С укором смотрела на Айболита и вся его собственная команда, человек он в команде был новый. Предыдущий врач, Синий, был стоматологом и произвёл в прошлом году основательную прополку в челюстях всей команды, вероятно, оставив Буха со всеми зубами в наличии просто по недосмотру. Необходимость исправить упущенное настоятельно нависала над Айболитом, и утром четвёртого дня, взяв грузовик, они с Бухом отправились в посёлок старателей, нашли медпункт и, обнаружив там двух стареньких медсестёр, попросили зубной инструмент. У них это было в наличии, но эти две божьи коровки просили их приехать завтра, когда они прокипятят всё это.

Следующим утром, снабжённые флягой чистейшего спирта, которую, проявив неожиданную щедрость, выделил Ляба, они уже лезли в кузов, когда их догнал один из стоматологов. Айболит полагал по простоте душевной, что тот предложит свои услуги, но нет, он пришёл предупредить, что Айболит при удалении зуба обязательно повредит артерию, из которой непременно начнётся фатальное кровотечение, и больной умрёт. Этот разговор производился им специально при Бухе, и громко, чтобы все знали – он предупредил.

Они сидели в манипуляционной друг против друга, между ними на столе лежали стерильные инструменты. «Что делал Синий до?» – спросил Айболит. «Спирт давал», – радостно ответил Бух. Доза была отправлена по назначению. «А потом что он делал?» – «Сам пил».

Айболиту это не подходило. Он поднял шприц с новокаином и, обколов десну вокруг зуба, стал подбирать подходящие щипцы. Зуб – шестой снизу слева. Одна пара щипцов идеально подошла, и Айболит ухватился за коронку, которая тут же разлетелась как разбитая чашка, но Айболит уже знал, что он будет делать. Разрезав десну вокруг зуба, он прихватил теми же щипцами шейку зуба и, почувствовав, как плотно губки щипцов охватили костную ткань, начал нежно расшатывать зуб, который неожиданно легко вышел. Они оба, удивлённые тем, что всё так быстро кончилось, уставились друг на друга. «Что Синий делал дальше?» – «Ещё спирт давал», – с надеждой ответил Бух. Ещё одна доза по назначению. «Теперь что он делал?» – «Сам пил, – уже с укором ответил Бух. – Пей, Док, ты бледен, как мертвец».

И когда уже под деревом у прозрачного ручья с неизвестно откуда появившимся Карагачем из казахской экспедиции, у которого всегда было потрясающее чутьё на выпивку, они втроём опорожнили всю флягу, закусывая принесённым Карагачем помидором, к медпункту подъехал «студебеккер». У одного из двух вышедших оттуда амбалов наблюдался отёк лица справа. «Док, ты выпил – это раз, у них есть колёса и они доедут до нормального стоматолога – два, а тебе на сегодня хватит – это три. Не испытывай судьбу», – Бух рассуждал, как профессиональный спасатель, и они тихо смылись по ручью к машине.

Через три дня божьи коровки прислали за Айболитом машину, нужен был врач в посёлок. Натянутым тросом перебило ногу в голени одному из старателей, и к моменту его, Айболита, приезда они приготовили уже весь стерильный инструментарий и перевязочный материал.

К прилёту самолётика, к утру, он перелил полиглюкин и глюкозу, им уже была проведена внутрикостная анестезия, профилактика гангрены – обкалывание тканей пенициллином, свободные костные отломки погружены в физраствор и конечность забинтована между двумя шинами. Две недели спустя выписанный из больницы парень пришёл на костылях сказать «спасибо», потому что ногу удалось сохранить, но Айболит давно уже сидел у подножия Хан-Тенгри с аптечкой наготове.

Божественная трагедия

Нашим живым и нашим мёртвым посвящается.

«Сначала Господь сотворил Небо и Землю, и Земля была бесформенна и темна. И Господь сказал: “Да будет свет”, и стал свет. И Господь увидел, что это было хорошо».

На самом деле всё было не так. Создатель уже потерял счёт попыткам построить задуманный им Мир. Недодуманные и бесформенные обломки несостоявшихся планет разлетались по пространству, в бешенстве разбрасываемые Его Божественной Рукой.

Наконец, после бесчисленных экспериментов, ему удалось сотворить устойчивую систему из яркой звезды и планет-противовесов, вращающихся по своей оси и вокруг звезды, и он увидел ту самую точку в системе, куда он может поместить Мир своей мечты.

Потом начались мучительные поиски атмосферы. Он перепробовал всё, смешав все составляющие. Он мучился тяжёлыми головными болями в угарном газе, заходился кашлем в аммиаке, его рвало и тошнило в сероводороде, наконец однажды, когда он соединил азот, кислород, слегка добавил углекислоту и чуточку инертных газов, он почувствовал, что ему стало приятно и радостно дышать. Вот так «Создатель сотворил Небо и Землю и увидел, что это хорошо».

Планета была безумно прекрасна. Чистый, приятный воздух, красивые синие океаны, полные животных и рыб, множество птиц в небе. А на земной тверди красивые долины и леса сочетались с чудесными извилистыми реками, берущими начало с высоких снеговых гор с полными запасами сверкающего голубого льда. Гордиться было чем, но чего-то всё-таки не хватало. Не хватало публики, аплодисментов, восхваления, а Творец был непомерно тщеславен. Идея создать существо, наделённое Божественным разумом, которое сможет оценить сотворённое, а оценив, будет поклоняться и славить ТВОРЦА, захватила Великого. Опять начались пробные проекты, эксперименты, мучительные поиски. Ничего не получалось с дельфинами, слонами, рептилиями, наконец «Он создал из глины своё подобие и вдохнул ему жизнь

в ноздри, и назвал Адамом, и сотворил Еву, и увидел, что это хорошо, и поселил их в Раю, разрешив им есть все плоды, кроме тех, что с древа познания».

Великий Змей, выползая из преисподней и заметив этих двух счастливых идиотов, захотел слегка позабавиться. Сначала совратив Еву, а потом Адама, он дал вкусить им запретный плод. «И засветились знанием их глаза, и увидели они, что нагие, и прикрыли свой стыд».

Долго грохотал молниями Создатель, срывая с гор лавины, поднимая гигантские цунами, сжигая леса и творя беспредел в океанах, затем остыл, «изгнал Адама и Еву из Рая, заставив мужчину в поте лица своего добывать хлеб насущный, а женщину в муках рожать своих детей». И повелел Творец строить храмы и воспевать хвалу Всевышнему.

Змей потихоньку собирал яблоки и тихо сбывал их на базарах, на вырученные деньги покупал алкоголь и потихоньку пил, а так как один он не пил, то постепенно спаивал и чертей, и ангелов.

Айболит и Ушаня ехали в рейсовом ПАЗике в летний день по Памирскому тракту. Впереди сидел таджик, чем-то сильно смахивающий на змея, и держал на коленях большую овальную корзину яблок. «Простите, вы не могли бы продать мне немного яблок? – спросил Айболит. – Я вообще-то яблоки совсем не ем из-за оскомины, но раз в пять лет меня прямо-таки тянет». «Возьми так, – приятно улыбнулся таджик, – у меня дерево, а яблоки я везу на продажу. Я тоже не ем яблок из-за оскомины, и у меня раз в пять-семь лет появляется та же потребность. Это очень редкое свойство, и я думал, что это случается только со мной».

Ему приснилось яблоко в штурмовом лагере на 6600. Яблоко было сплошь красным, с зелёным черенком и свёрнутым в виде змейки зелёным листочком на черенке.

Айболит уже не мог заснуть, с потолка палатки свисали сосульки, а всё остальное было покрыто инеем, рядом спал Худой Бык, с другой стороны – Ушаня и Работяга-Рыжий. Как только рассвело, все зашевелились и вся группа устремилась на штурм, погода портилась, и нужно было спешить. Став друг за другом, они, одетые в пуховые куртки и штаны, с лыжными палками, с ледорубами за спиной, так, на всякий случай, весело топтали кошками обдутый фирновый снег. Потихонечку усиливался ледяной ветер, нанеся на небо длинные и тонкие облака.

Ушаня спёкся уже в виду вершины, когда миновали кислородные баллоны, заброшенные туда ещё во время «прыжка на Памир». Он был не в состоянии стоять, дыхание стало прерывистым, а кожа и губы синими. И, конечно, все опять смотрели на Айболита. Больной, судя по всему, серьёзный, а погода быстро портилась. Айболит пожал плечами, не стал испытывать судьбу, а просто повернул Ушаню спиной к вершине, повернулся сам, и они начали срочный спуск.

Около лагеря на высоте 6400, там, где сидел Мамонтёнок с группой, Ушаня пришёл в себя. Айболит уже мечтал, что Ушаня скажет ему, мол, всё хорошо, оставь меня здесь, а сам сходи на гору. Но, объективно, Ушаня был ещё слаб, и пошёл снег с ветром, и оставлять его в такую погоду на этой высоте рискованно, и, прихватив ещё одного заболевшего, из группы Мамонтёнка, Айболит стремительно продолжал спуск. По мере того как они теряли высоту, больные чувствовали себя всё лучше.

Все трое сидели уже перед спуском к Раздельной и ждали, когда по ней перестанут бить молнии и можно будет пройти ниже. Вечером погода улучшилась. Прекратился ветер, вокруг небо прояснилось, и ниже Раздельной они увидели точку, которая росла с их приближением и превратилась в человеческую фигуру в пуховом снаряжении. «Привет, Змей, – Айболит не видел этого питерского парня лет пять. – Что ты тут делаешь?» – «Веду испанцев на гору». – «А где они?» – «Вон в пещере лежат с горной болезнью. По радиации передали, что ты с больными спускаешься. Вот вылез посмотреть, не нужно ли тебе чего-нибудь. Яблоко хочешь? Прямо из Испании. У нас такие не растут». Яша-Змей вытащил из кармана яблоко, абсолютно красное, с зелёным черенком и зелёным листочком, свёрнутым в виде змейки. Айболит мгновенно

проглотил половину, остальное сунул в карман, так, на запас, они обнялись, а дальше опять продолжался спуск.

Ему опять приснилось яблоко, уже в базовом лагере, неделю спустя. Айболит нашёл свою куртку под головой у Худого Быка, вытащил половинку, съел и опять заснул.

Тайное рано или поздно становится явным, и Создатель застал Змея в тот момент, когда тот воровал в саду яблоки. Снова начались цунами, обильные снегопады, шторма. Долго чудесил Создатель, а когда успокоился, Змей с невинным видом объяснил ему, что с его, Змея, лёгкой руки по всей земле молодые люди крадут яблоки в чужих садах, и это далеко не преступление, скорее забава. Но сделанного не воротишь, и снег, выпавший и скопившийся по Божьему беспределу, лежал на вершинах, каждую минуту готовый сорваться вниз...

Лавина шла и заполнила всё небо. Айболит только увидел белую пыль и залёг. Лавина надвинулась, шелестя, сдавила, понесла, потом остановилась. Стало вдруг тепло, приятно, темно и тихо...

Все восемь тел лежали в гоморге на покрытых оцинкованным железом столах. Лежали недвижные, холодные, голые и переломанные.

Кто-то позвонил его жене, сказал, что Айболит в морге, нужна одежда, она приехала вся в чёрном, с сыном и новым костюмом, потом долго и без слёз глядела на изуродованное тело мужа.

Долгое время Создатель находился в подавленном состоянии. Погибла масса народу, совершенно безвинного, многие города в руинах после многочисленных цунами, горели леса, сошли с гор лавины. Чувствуя свою вину, он решил подарить людям квадринарное счисление, что могло бы скачком перенести человечество на другую ступень познания. И больше не надо было бы тратить драгоценное время на добывание хлеба насущного в поте лица своего, и можно было бы избавить людей от бедности и нищеты.

Долго и терпеливо подбирал Создатель приемлемую кандидатуру, наконец его выбор пал на очаровательную двадцатипятилетнюю гречанку, и когда она забеременела, Он вложил свой Божий Дар в её плод. Всё протекало нормально, пока Соня с ребёнком не пришли на базар. Полуторалетний мальчик захотел яблоко. Соня подошла к прилавку и купила у таджика, похожего на Змея, красное яблоко с черенком и листочком на нём, свёрнутым в виде змейки. Увидев это, Бог сверкнул молнией, но было поздно – ребёнок уже вкусил запретный плод и, испугавшись молнии, поперхнулся и закашлялся. В правом главном бронхе сидел уже маленький кусочек яблока, угрожая скоро убить его носителя. И пока ребёнку ничего не угрожало, Создатель и Змей, объединившись, просчитали все варианты.

В этом пространстве было два уникальных специалиста, способных провести бронхоскопию, если к ним обратиться в относительно спокойный период, до появления пневмонии, и нужен был ещё один, на последний шанс, если она обратится слишком поздно. Был нужен врач, который пойдёт на риск. Был нужен Айболит, но он давно, как и все его товарищи, лежал в своей глухой могиле, забытой Богом и людьми.

Единственное средство – повернуть время вспять – грозило где-нибудь нарушить равновесие, но Создатель, требуя риска от других, не мог не показать пример, и Он нарушил свой собственный закон, вернувшись в тот роковой полдень...

Лавина шла и заполнила всё небо. Айболит только увидел белую пыль и залёг. Лавина надвинулась, шелестя, сдавила, понесла, потом остановилась. Стало вдруг тепло, приятно, темно и тихо...

Из оцепенения его вывело дёрганье верёвки, которой он был опутан. Айболит зашевелился, пробил головой толстый слой снега, который уже начал твердеть, превращаясь в лёд, вдохнул воздуха и увидел Серёгу, нога которого, одетая в тройной ботинок с кошкой, была захлестнута концом айболитовской верёвки. Третьим поднявшимся был Худой Бык.

Все пятеро лежали в гоморге, на покрытых оцинкованным железом столах. Лежали холодные, недвижные, голые и переломанные. Кто-то позвонил его жене, сказал, что Айболит в морге, нужна одежда, она приехала вся в чёрном, с сыном и новым костюмом, и когда он показался в дверях прозекторской, оборванный и исцарапанный, с ней случилась истерика...

Агонирующего мальчика с инородным телом правого бронха внесли в шоковый зал уже в четвёртом часу утра, когда Айболит был в такой степени истощения, что сил на эмоции уже не было. Сил на колебания тоже. Отдав распоряжение готовить всё на бронхоскопию, он вдруг понял, что не в состоянии один и дать наркоз, и провести бронхоскопию. Была у него помощница, юная девчонка-интерн. «Ты когда-нибудь давала наркоз?» – спросил он. – «Нет». Он с удовольствием увидел, что в её глазах не было страха. – «Хорошо, будешь делать то, что я скажу». Написав в истории болезни, что состояние больного агональное, и как последний шанс необходимо провести бронхоскопию, он вошёл в манипуляционную...

Он сразу увидел этот кусок красного яблока, как только вошёл в главный правый бронх. Смутно припоминая, что он уже где-то видел это яблоко, Айболит упёрся трубкой в этот кусок, захватил щипцами и вытащил. Айболит ещё успел состричь слизистую, которая уже нарастала в просвет бронха, и вышел из трахеи. Мальчик ровно дышал и был розовый. Отписав все бумаги, Айболит сменился с дежурства и ушёл домой...

Змей, в очередной раз удачно толкнув свои яблоки, сбегал на киевский Подол, по дешёвке купил четверть первача у какого-то хохла из-под полы, затем, слетав в Одессу на Привоз, прихватил у пьяного грека корзину свежих бычков, выменяв их на какую-то чепуху...

Веселье по поводу удачной бронхоскопии было в разгаре, Создатель и Змей уже выжрали больше половины самогона-первача и съели почти всех жареных бычков, когда Великий решил осмотреть ребёнка. Божий Дар исчез. «Он применил для наркоза гексенал, который необратимо соединяется с наиболее молодыми клетками мозга, погубив Божий Дар». И разгневанный Творец, в алкогольном угаре повторяя: «Всё назад, всех в Ад», несмотря на попытки Змея урезонить Его, вернулся опять в тот самый полдень.

Лавина шла и заполнила всё небо. Айболит увидел белую пыль и залёг. Лавина надвинулась, шелестя, сдавила, понесла, потом остановилась. Стало вдруг тепло, приятно, темно и тихо...

Из оцепенения его вывело дёрганье верёвки, которой он был опутан. Айболит зашевелился, пробил головой толстый слой снега, уже начинающий твердеть, превращаясь в лёд, вдохнул воздуха и увидел Серёгу, нога которого, обутая в тройной ботинок с кошкой, была захлестнута концом айболитовой верёвки. Третьим поднялся Худой Бык. Они, ушибленные и оборванные, увидели перед собой массивный лавинный конус и, решив, что остальные пятеро погребены в нём, стали яростно рыть. Айболит сказал, что пятнадцать минут у них есть, чтобы попытаться спасти хоть кого-нибудь, сверху спустились ещё восемь человек вместе с Бойцом. Они подняли на воздух этот гигантский сугроб, но не нашли никого, и Серёга закричал, что их всех отнесло на сбросы. Уже без Айболита они их действительно нашли там, всех пятерых, на полтора километра ниже, и только успели стащить их в сторону, как пошла новая лавина по уже проторённому пути.

Создатель и Змей с удивлением увидели, как из пятерых изуродованных тел отделились прозрачные и чистые, голубого цвета, души, объединились в один голубой шар, а затем, разделившись на четыре части, зашли в тела Серёги, Худого Быка, Бойца и Айболита.

– Факир был пьян, и фокус не удался, – издевательски шипел Змей.

– Они вышли из-под контроля, они независимы, они наделены необычайной силой, и даже мне, Всевышнему, не известно, что они начнут творить на Моей планете, – заключил окончательно протрезвевший Творец. – Это всё твои проделки, жалкий червь, – громыхал молниями Создатель, – исчадие Ада, убирайся к себе, рано или поздно ты примешь всех четверых на вечные муки!

– Я здесь ни при чём, – обиженно зашипел Змей, – и в Ад принять их не могу. Не виновны они, что не рабы твои. Они Твои верные друзья, они свято соблюдают Твои Заповеди и учат других соблюдать их.

– Мне не нужны друзья, мне нужны рабы мои и слепое их преклонение пред величием Моим! – громыхал Великий.

Змей покачал головой:

– Великий Боже, поступки и пути твои неисповедимы, в неоправданном гневе Ты творишь скорый и неправый суд над этими праведниками, прощая кающихся воров и убийц. Ты позволил в Своих храмах злодеям выкупать свои грехи, а служителям Твоим утаивать и присваивать часть даров, Ты превращаешь Веру нашу святую в Тебя, доброго, сильного, справедливого, в религию воров и убийц, насильников и рабов.

Великий задумчиво произнёс:

– Я полагал, что ты мерзкий червь под моими ногами, а ты Великий Змей. Ты будешь всегда со мной и будешь говорить правду.

– Господин Наш Великий, – Змей пал ниц, – не судимый и непогрешимый, прости меня, что в отчаянии своём я усомнился в Тебе.

Соня, ещё с ночи наколотая наркотиками и успокоительными в детском отделении, проснулась поздно. Отдавая себе ясный отчёт, что ребёнок потерян безвозвратно, она пошла в реанимационную за трупом. «Скажите, мой ребёнок у вас?» – «Да, у нас», – ответили ей. «А можно забрать?» – «Можно». – «Сейчас?» – «Сейчас». – «Так давайте». И когда ей вынесли орущего, розового, здорового и голодного ребёнка, она упала в обморок...

В самом конце бешеного рабочего дня Айболита пригласили в переговорную. Там стояла Соня, очаровательная брюнетка с огромным букетом гладиолусов, она потянула его, потного и небритого, и поцеловала взасос. «Ох, ну и счастливый у тебя муж», – выдохнул Айболит. «Придурок, – ласково улыбнулась она, – разве мужа так целуют? Я через тебя целую Бога, который послал тебя в ту ночь».

Он шёл по улице, весь в губной помаде и с охапкой гладиолусов в обнимку, его глаза светились и блуждали, какой-то дядечка поздравил его с личным счастьем, он вошёл в метро, ему уступили место, он сел и заснул...

«Ты видел, – спросил Создатель Змея, – КАК она меня целовала?» И, самодовольно улыбаясь, погрузился в свой очередной проект...

Когда умирает праздник

Это была первая зимняя экспедиция на Москвина, где собрались сборная страны, узбеки и питерские, и где, естественно, многие друг друга хорошо знали. Питерские привезли с собой пятерых с острой вирусной инфекцией. У них было два врача: один физиолог, другой – молодой хирург, но из очень хорошей школы. Высокогорного опыта у них ещё не накопилось, поэтому совет Айболита, как надо лечить всех пятерых на этой высоте, они, видимо, пропустили мимо ушей.

Через два дня, когда Айболит с Худым увлечённо гоняли в нарды бешеную, питерский хирург позвал на помощь.

Славка помирал. Сознания уже, наверное, не было, а если можно было это назвать сознанием, то помраченным, ещё наблюдалась высокая температура и тотальная слабость. Мошников сидел с отёком лёгких под кислородом и на возвышенном положении, а Славка бредил, бессвязно бормотал, обращаясь к Айболиту, и просил простить, что не может уже держать верёвку, так как пальцы ничего не чувствуют. «О чём он?» – спросил Худой. «Бредит. Вспомнил ледник Витковского», – ответил Айболит, – он тогда рукавицы потерял».

Тогда, около шести лет назад, когда смешанная узбекско-питерская группа встречи, естественно, с Айболитом и Олегом в составе, выдвигалась на этот ледник снизу вверх для встречи своих команд, которые в плохую погоду объединились на спуске с вершины и дальше шли вместе в верховья ледника Витковского. Эту информацию база получила на последней связи, и эта связь была действительно последней, потому что батарейки у верхней группы окончательно сдохли.

...Айболит от Ашота получил кое-какую информацию об этом небольшом леднике, что идти лучше по центру, где трещин нет, если только не занесёт вправо, но и там трещины неглубокие, и при слабом морозе снежные мосты проходились легко, но не сейчас, когда стало тепло,

пошёл мелкий снег и ледник был накрыт густым туманом, а снег раскис. И в тумане их точно занесло вправо, и Айболит, идущий впереди, пересчитал все трещины, какие только там были.

Он помнил, как однажды с Шахиной вдвоём они восходили на очень простой шеститысячник, так, для разминки. Шли утром по закрытому леднику, мосты держали, и они без труда забрели на вершину. Обрато шли по тому же пути по раскисшему снегу, и Айболит тогда тоже пересчитывал трещины, но было легче, потому что Шахиня прекрасно управлялась с верёвкой, её реакция была мгновенной. Он с удовольствием смотрел на её пластичную, сильную и очень женственную фигуру и думал, что, если бы они с ней вдруг оказались на необитаемом острове, он никуда и никогда не стремился бы оттуда уехать.

Трах!!! Он, задумавшись, ударился локтями, коленями, туловищем об этот алмазной твёрдости лёд, взвыл, Славка верёвку совсем не держал, и, слава богу, трещина была хоть и широкая, но неглубокая, метра полтора, выбрался сам, пошли дальше, а дальше всё то же...

К вечеру туман разошёлся, створ перевала был уже хорошо виден и можно было ставить палатку, в которую они набились восьмером, сидя. Примус грел хорошо, Айболит непослушными пальцами открывал банку тушёнки, финский нож соскользнул, прорезав ему большой палец левой руки. Айболит, смеясь, попросил Олега перевязать, открыл банку до конца...

Они спали полусидя, прижавшись к друг другу, снаружи опять пошёл снег и дул ветер. Засыпая, Айболит терял контроль и начинал стонать: ссадины горели, ушибы болели, и озноб уже начал колотить его, и, когда Олег поднёс к его носу фляжку со спиртом, не устоял, сделал два добрых обжигающих глотка и сразу провалился куда-то в тёмный и вонючий рай...

Как это всегда бывает после непогоды, на следующее утро воздух был чистым, небо – синим, свежеевыпавший снег ослепительно сверкал под весёлым горным солнцем, а ссадины больше не болели и хотелось только одного – чтобы пришёл Арлекин, и не один, а со всеми, и чтоб пришла и ленинградская группа, и вообще, хватит приключений на этот год, и чтобы можно было бы послать все эти горные красоты очень далеко, вот только пусть придут все. Каждые три часа Айболит выходил в эфир на старой рации, которая работала только на передачу, но на базе Ашот, как потом выяснилось, хорошо всё слышал. Утром следующего дня, когда они встретились с обеими группами, было всем хорошо, и все смеялись, и на сеанс связи Айболит отдал эту рацию Арлекину. Видимо, и Ашот был на седьмом небе, когда услышал позывные: «База, база, я Шура, я Шура, идём все, идём вниз...».

А теперь, глядя на Славу и Мошникова, продумав весь план, подсчитав медикаменты и начав почасовое ведение этих двух парней, он с тоской подумал, что хорошо, когда всё хорошо кончается, что вот сейчас, когда пурга и врач сборной страны не залетел вовремя на ледник, опять вся ответственность тяжело упала на его плечи.

Он старался об этом не думать, а просто работал. Физиолог каждые пять минут записывал пульс, давление, дыхание. Молодой хирург следил за всеми венозными линиями, и Айболиту было с ними легко и приятно, потому что, будучи хорошими врачами, они быстро поймали концепцию и работали сообща, а Лёня Трац следил за кислородными баллонами. Через два дня, когда Мошников уже нормально дышал, а Славка пришёл в сознание, при установившейся погоде прилетела вертушка, почему-то чёрного цвета, вышли из неё Коля Чёрный и врач сборной, Липень, а сел туда уже способный нести свой рюкзак Мошников, а Славу, в полном сознании, отнесли на носилках. Потом начались восхождения... Но это другая история, а пока что все смеялись и всем было хорошо.

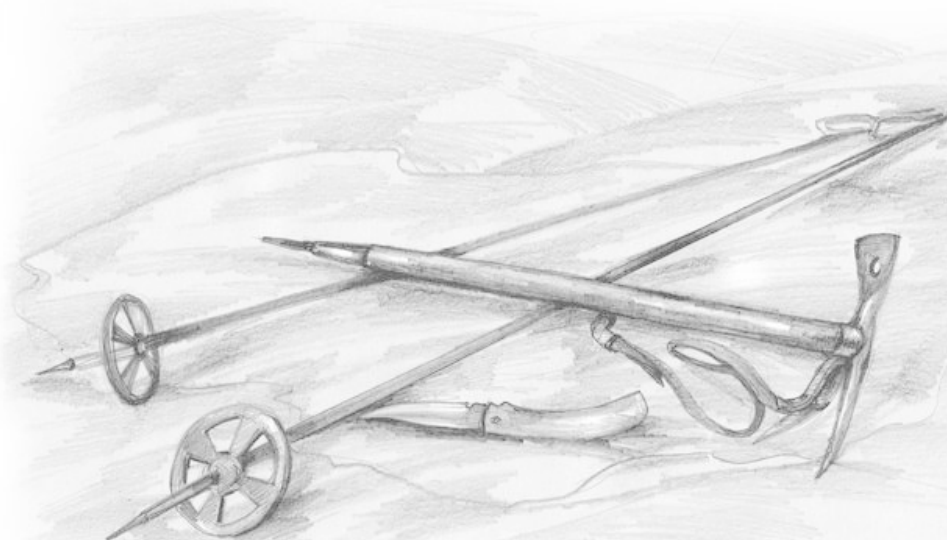
Он увидел Славу ещё раз, через полгода, летом. Узнав, что Айболит на Москвина, Славка, воспользовавшись попутным вертолётот, прилетел с Алайской долины, чтобы сказать Айболиту спасибо...

Они как раз закончили неудачные поисковые работы на высоте 7300, были нервные, опустошённые, а Росинант и Мона-Лиза чуть не поплатились за это своими жизнями.

«Слава, знаешь, что такое праздник?» – спросил Айболит. Они обнялись. – «Знаю – это когда гору сделал». – «Нет, Слава, это когда все дома».

Назад, к жизни

Подарок нашей Ниночке.

В середине предыдущей ночи они наконец принесли Жорку на носилках, сделанных из ледорубов, станков и лыжных палок, к вертолётной площадке на боковой морене ледника Ленина со «Сковороды», на которой он и совершил свою глупость, поставившую на грань существования его самого и судьбу всей экспедиции. Он набирал снег для чая, стоя на снежном мосту, над бездонной трещиной, и, конечно, ушёл в неё без звука и вместе со своей кастрюлей. На Жоркино счастье, это вовремя заметили, и, забивая ледорубы в лёд практически только по штычки, а потом пустив в ход и ледовые крючья, они тут же нарастили верёвки, и на этом честном слове Арлекин (а лучше, чем он, лазуна в команде, и не только в команде, не было, и право рисковать первому ему давно было присвоено) полез в трещину и, найдя Жорку на маленькой ледовой полке метрами двадцатью ниже, вытащил его быстро, сам побив об лёд свою голову в кровь.

Айболит, приступивший к осмотру Жорки, лежащего на расстеленной палатке, увидел на голове две продольные раны, ничего серьёзного не представлявшие, кровоизлияния в белки глаз и, с большой долей вероятности, по всей черепной коробке, тоже не нашёл это фатальным. А вот это уже серьёзно: левая часть грудной клетки не дышит, под кожей видны три явно сломанных ребра и над ними «барабан» при постукивании. Оценив состояние и уже зная, что надо делать, Айболит ощутил тоску и снова, как это случалось не раз, почувствовал тяжесть упавшего на его плечи земного шара. Счёт шёл на минуты, тут ещё подскочивший русскоязычный американец, врач, настоятельно советовал ничего не делать, мол, пусть так останется, а то скажут, что зарезал, и пошлют в Сибирь, и многие были с ним солидарны. Но Айболит не впервые это всё делал в своём госпитале и, зная, что Жорку спасёт одно лишь это, если только успеет спасти (и в конце концов, пусть с ним здесь сделают всё что угодно, потом вскрытие его оправдает, а шансы на хороший исход были мизерны и с каждой минутой всё уменьшались, но

использовать их было необходимо, а если нет, то как с этим потом жить), послав всех вокруг и около далеко-далеко, он потребовал дать ему нож и приступил. Нож был тупой, он только успел прорезать всё до плевральной полости (оттуда, как и ожидалось, пощёрли под давлением воздух и кровь), начал всовывать дренаж, тут этот американец, потомок баронов Ланге, проснулся, то ли совесть заговорила, то ли решил прославиться, но схватил свой острый скальпель, и они вместе завершили всё остальное.

Вниз несли Жорку медленно, с передышками, чтоб не помер при тряске. Он жаловался на нехватку воздуха, но пульс был, хоть и частый, но достаточно наполненный, дренаж работал, сознание у него было ясным, и отжатый тяжёлым стрессом Айболит популярно Жорке объяснил, что иначе тот и не может себя чувствовать на такой высоте и только с одним работающим лёгким и что никто не тащил его на эту гору, а пошёл он сам, и никто не толкал его в эту трещину, сам влез по дурости, а у Арлекина вся башка из-за него в крови, а у всей команды сейчас тоже жизнь далеко не малина, и можно представить, что творится сейчас в базовом лагере, и вообще терпеть надо и поблагодарить бога за то, что остался жив. Отповедь подействовала, Жорка перестал жаловаться, а после спуска метров на сто задышал ровнее.

Весь остаток ночи вместе с подошедшим и предложившим свои услуги врачом одной из московских команд – он потом безуспешно пытался найти этого очень грамотного и тактичного доктора – Айболит занимался Жоркой, и когда утром прилетел вертолёт, он позволил себе расслабиться.

Тем ранним и прозрачным утром, каким оно часто бывает на Памире, Айболит с Арлекином, а вместе с ними вся команда, донельзя уставшие, стоя на морене, с облегчением глядели вслед улетающему вертолёту, уносящему вниз, насколько было возможно в тех условиях, оперированного и обработанного Жорку, как кто-то сказал, что Нине очень плохо. С трудом восприняв сообщение своими усталыми мозгами, Айболит переспросил ещё раз и, отказываясь этому верить, пошёл взглянуть...

Ниночка-Нинок. Про себя Айболит называл её Слава КПСС. Статная, всё при ней и ничего лишнего в её спортивной фигуре, как будто только сейчас сошедшая с плаката, партийная, КМС по альпинизму, передовая работница, краса и гордость текстильного комбината, примерная супруга в образцово-показательной семье, любящая мать, сероглазая блондинка с большими очками, со своей социалистической улыбкой, и просто красавица, она на всех комбинатовских, а позже и на собраниях федерации, сидела у края стола президиума, будучи постоянным и старательным секретарём, и когда начиналось очередное собрание, она шла по проходу к президиуму в строгом приталенном платье, в туфлях на высоком каблучке, и все мужики глазели на её красивые и рельефные икры...

Слава КПСС лежала, прикрытая пуховкой, на расстеленном на моренных камнях спальном мешке, на боку, с закрытыми глазами, пульс был слабоват, в лёгких масса хрипов, странно, ни одышки, ни кашля, ни температуры. «Сердце? – подумалось. – Не знаю, а если пневмония, то какая-то странная». В «айболитке» после Жорика остался только один шприц, одна ампула глюкозы, он пошарил и нашёл одну ампулу мочегонного, которое он влил ей тут же прямо под язык, а когда он вошёл в вену, последняя лопнула и кровь стала растекаться под кожей. У Айболита потемнело в глазах. «Док, что ты делаешь?» – спросила Нинок слабым голосом, не открывая глаз. – «Да вот, пытался в вену попасть». – «Это бесполезно. Когда я рожала, мне никто не смог это сделать в роддоме». – «Что-то с тобой не так, Нинок». Шприцов больше не было, вводить больше нечего, «айболитка» пуста, он посадил её себе на спину и бегом понёс вниз. Некоторое время спустя Нину перехватил Змей Горыныч, затем кто-то ещё, и далее вниз, где она уже открыла глаза...

Удивительно, но в Ошской больнице на снимке ясно была видна именно пневмония, нижнедолевая, справа, и никаких проблем с сердцем выявлено не было.

Нина продолжала находиться в составе команды, но выше пяти тысяч метров над уровнем моря её уже не пускали. И только однажды, спустя три года, когда она уже в который раз умоляюще смотрела на Айболита, его сердце высотника дрогнуло: «Только до Сковороды, Нинок». Она пошла в группе с самаркандскими парнями, и когда Айболит увидел, что она опять плохо идёт, он попросил самаркандцев, чтобы они вели Нину вниз. Они сказали ему: «Хорошо» и, не зная хорошо ни Айболита, ни Нины, дождавшись, когда Айболит пойдёт наверх, сделали по-своему: немножко поднялись ещё и заночевали.

Утром, увидев резкое ухудшение в Нинкином состоянии, они начали срочный спуск... Нинок опять попала в ту же больницу, и опять с пневмонией, нижнедолевой справа.

В команде процветала махровая дедовщина, и это были редкие часы и дни, когда им, «старикам» – Ашоту, Лябе, Арлекину и Айболиту случалось посидеть после отбоя вчетвером, и они очень ценили это время. Айболит опять не дошёл до вершины совсем немного, а повернул назад, уводя Ушаню вниз, к жизни. Только одно из всех предпринятых восхождений на этот пик, 7134, было завершено Айболитом лет семь назад. Нынешняя молодая команда уже за три-четыре года взойшла на семитысячники много раз, а у него всего три завершённых восхождения на эти высоты за много лет.

Прямо здесь и сейчас он всё это и выложил. Они сидели при свете свечей на деревянных ящиках на кухне, время от времени пропускали по стопарю «высотного коньяка» – смеси настойки элеутерококка с винным спиртом, спёртым с завода шампанских вин, и закусывали свежезажаренной бараньей печенью. Выпив и крикнув, Ашот спросил: «Ты, наверное, не забыл, что эта команда, хотя и молодая, уже имеет опыт зимних высотных восхождений и отвечает всем стандартам лучших команд страны. К тому же они легко избавляются от тех, с кем ходить не хотят, и авторитетов не признают. Их также не заставишь делать то, чего они делать не желают. А тебя они по своей воле и без принуждения приглашают на все восхождения и зовут по имени и отчеству, единственного, кроме меня самого. А на мой взгляд, это даже лучше, чем “Снежный Барс” или мастер. Так что не вы... бывайте, Доктор, а продолжайте мыть свои клистиры, у Вас это отлично получается». И под общий хохот Ашот наполнил четыре стопки в очередной раз.

Айболит и Нина встретились на пологом гребне Большого Чимгана на альпиниаде весной. Нинок хорошо выглядела. «Док, сколько раз ты можешь меня спасти?» Она приветливо улыбнулась. Он вспомнил то время, когда они оба были начинающими альпинистами и как на подходе Нинок мягко опустилась в обморок, и как он оказывал ей помощь. «Что-то с тобой не так, Нинок». – «Ну что? Бросать горы?» Он огляделся вокруг.

Было прелестное утро в их горах. Потом, прямо смотря в её серые, большие и такие очень советские глаза, произнёс: «Нинок, ты знаешь, наша своевольная, разборчивая и знающая себе цену команда к тебе относится бережно и хочет видеть тебя в списках. Ты ведь не бросишь нас, Нин, ну как мы без тебя?»

Состав махровой дедовщины:

Ашот, или Армян (в узком кругу), Вадим Ашотович Эльчибеков, наш тренер, собравший все титулы, возможные в альпинизме того времени.

Ляба – Лябин Анатолий Павлович, МС, «Снежный Барс», наш легендарный начспас и начпрод. Один из героев покорения п. Победы.

Арлекин – Александр Владимирович Путинцев, самый молодой МС своего времени, отбравший титул чемпиона у величайшего скалолаза и одного из благороднейших людей того времени, Миши Хергиани.

Штурм. Пик 7495

«Доброе утро, Марго, вы прекрасно выглядите». – «Спасибо, Доктор».

Этот короткий диалог, уже превратившийся в ритуал, повторялся трижды в день. Из соседней палатки слышался шум утренней возни, потом, прищурившись, выглянула Марго, действительно выглядевшая прекрасно, и бросила на Айболита насмешливо-лукавый взгляд.

Всходило солнце. Покатый снежный склон, на котором был разбит штурмовой лагерь, ещё голубел, а на сопредельном гребне, как они называли его – ригеле, смелыми мазками горели чистые краски от ярко-алого до тёмно-фиолетового, с чёткими границами между ними, поразив Айболита невероятным сходством с полотнами Рерихов и заставив его задуматься, каким образом это можно было изобразить, не побывав на таких высотах. Мечтать уже было некогда, верх четырёхспального мешка был уже откинут, Минарет разжигал примус, Шмель с трудом втискивал свой распухший голеностоп в ботинок, затолкал, тяжело задышал, победно потряхнул своими седыми патлами.

Примус, разгоревшись, гудел ровным синим пламенем, съедая последний кислород и без того маленькой кубатуры палатки. Варилась какая-то тошнотворная бурда, Пингвин и Росинант сушили над примусом ботинки, от которых шёл пар с запахом кожи и смазки, на другом примусе кипела вода, которая не обжигала, такая была её температура, однако чай отлично заваривался и, не в пример супу, хорошо и с удовольствием пился. И оттого что чая можно было пить много, на душе было легко и дышалось легко, а члены становились гибкими и в желудке уже наступал приятный покой.

Обвуть лентяя – шекельтоны – лежали у Айболита снаружи, прикрытые ветровкой. Вылезая из палатки, он просто сунул в них ноги, как в тапочки. Десятизубые австрийские кошки, подарок Ванды, были стянуты по ранту железной проволокой заранее, не нужно было каждое утро подвязывать. Вдохнул глубоко, выпрямился...

Шаги, скрип снега под ногами, шум в ушах, тяжёлое дыхание. Сухие губы судорожно ловят морозный, разреженный воздух, хочется пить. Айболит с трудом разгибает шею. Прямо

над головой взбесившееся светило вбивает прямыми лучами зной в усталые, уже иссушающиеся тела. Снег ослепительно белый, среди него резко чернеют островки разрушенных скальных выходов. Айболит видит впереди богатырский торс Орла, вот Орёл прекратил бить ступени, уступая Работяге-Рыжему, широкие плечи которого даже не сотрясаются от работы, за ним уныло переставляет кривые ноги Казак, изящно двигается Королева Марго, за ней пыхтит Росинант, отдувается красноносый и широкозадый Пингвин, хромот Шмель, лёгкой походкой барса крадётся Минарет, важно вышагивает, задрвав выгоревшую бородёнку, Мона-Лиза, в хвосте плетётся Айболит...

Восхождение... Для Айболита оно началось не три дня назад, а намного раньше, далеко внизу, полтора года назад, когда после тяжело перенесённой желтухи он был выписан домой. Тяжко и противно ныла печень, перемежаясь со спастическими приступами в желчном пузыре, со слабостью и постоянной тошнотой. Айболит, что называется, подавал надежды, ну а сейчас в него никто не верил. Только четырёхлетний сын глядел доверчиво и ясноглазо.

Как ни странно для взрослого и видавшего виды мужчины, он ухватился за эту веру. По утрам по пустым комнатам агрессивно и хрипло разносился голос Опального Барда. Там, в динамике радиолы, атакующие роты вращали землю, а Айболит отжимался от пола. Больше двух раз за подход не получалось, отдыхал, лёжа на полу, чувствуя, как по телу текут струйки нездорового, липкого и холодного пота. Упрямо доводил до ста отжимов, тошнило, кружилась голова, лез в ванну, переодевался и долго, с остановками, ходил по городу, вдыхая запахи мягкой азиатской зимы. Домой приходил дрожащий от усталости, валился в постель – и так всё время, пока не почувствовал, что может больше, назначал себе больше и выполнял.

Привал, до гребня около трёхсот шагов. «Айболит, на тебе лица нет. Дуй вниз, пока не поздно», – это Росинант. Тон тревожный, требовательный. Штурмовой лагерь был виден, тропа к нему безопасна, и коту под хвост эти полтора года. «Чёрт, на кого он больше похож, на Дон Кихота или на Росинанта? Кажется, одновременно на обоих». Айболит уже давно научился терпеть эту привычную боль и научился сквозь неё дышать, но этот дьявол всё распознал. «Сам иди вниз, кляча», – это было нечестно и грубо, но другого он не мог из себя выдавить. Айболит встал, подошла его очередь бить ступени. «Ты там потише геройствуй, Айболит», – это Работяга-Рыжий.

Удар, шаг, вдох, удар, шаг, вдох, выдох. Боль потихоньку отпускает. Героем был Ткач. Белозубый, улыбчивый, шоколадно-загорелый и атлетически сложенный, выше среднего роста, с кудрявой, пшеничного цвета шевелюрой, всезнайка и всеумейка, гитарист и бабий любимец, потрясающий добряк, он был душой любого общества. Любил быть только первым, на спусках бежал на время, так и погиб на спуске, и не один, все четверо, вся группа.

Айболит помнил этот раскалённый летний день, маленькую комнату чиланзарской кваттиры, чёрные фигуры женщин с бескровными и отрешёнными лицами, большой гроб на столе, в нём Ткач в чёрном костюме. Его большие, сильные пальцы уже никогда не будут двигаться. Айболит, прощаясь, положил на них ладонь. Надо было спешить в Чирчик, там хоронили ещё троих – Шахию, пана Потоцкого и Забияку.

В Доме культуры стояли гробы, между ними медленно проходили люди. Глотая слёзы, в почётном карауле стоял Хохол со своими учениками, на площади митинг, портреты всех четверых.

Он помнил, как опускали в могилу на кладбище гробы, как бились в истерике обе жены пана Потоцкого, помнил полные боли глаза Ашота и как падали на крышки гробов комья земли.

Как врач, он много раз выстукивал и прослушивал эти гибкие и тренированные тела, знал их каждый сантиметр, теперь они были изуродованы, недвижны и отделены от него и от этого зноя пластом земли. Похороны потрясли Айболита, может быть, потому, что были первыми в

его жизни альпинистскими похоронами. В этот день он ещё не знал, что похороны будут ещё и ещё, и будут также его потрясать и что к смерти он так и не сможет привыкнуть.

Теперь, выбивая ступени, он вспомнил, как мечтали эти четверо подняться на этот Пик.

Вот и гребень. Подъём стал не так крут, снег обдутый, плотный, идётся легко. Порывистый ветер студит лица и руки, забивается под пуховки и свитера. Тела сотрясает сухой, болезненный кашель, слезятся глаза. «Связываться», – хрипло звучит команда Росинанта.

«Связываться, связываться. Давно уже связался с вами, каждый год на работе неприятности из-за этого альпинизма, на этот раз точно выгонят», – размышлял Айболит.

Можно немного расслабиться. Он уже знал, что вершину добудет.

С гребня вниз никого не погонят. Между ними и вершиной оставалось около ста метров пути по снежно-ледовому ножу. Прямой и мощный, он гляделся как эстакада для взлёта в космос, по обе стороны его острия сверкающие белизной грани переходили в полуторакилометровые обрывы, а на режущей кромке уже были пробиты чьи-то следы.

«Нож как нож – градусов пятьдесят-шестьдесят. Что это его так пугали?» Пошла первая связка. Легко пошла, за ней вторая. Когда Айболит вышел на нож, первая связка была уже на вершине.

«И мы ступили на то место, выше которого уже не было земли» – так, кажется, писали в своих отчётах альпинисты девятнадцатого века. Айболит огляделся. Вершина небольшая, неровная, бесснежная, много плоских серых камней, валялись древки и обрывки полотён флагов многих наций, какие-то тубусы, старый полтинник. Низко над горизонтом сверкала злым глазом какая-то звезда, а может, планета. На чёрно-синем, со звёздами, небе прямо над головой светили Луна и Солнце. От вершины во все стороны, куда хватало глаз, тянулись снеговые горы, как будто и не было на Земле долин и морей. Острые пики хребтов, как оскаленные зубы громадных ящеров, были покрыты пеной снеговых шапок, между челюстями-хребтами лежали серые, потрескавшиеся языки ледников. Как будто бы оцетинилась вставшая вертикально кора Земли, и, казалось, любое небесное тело найдёт здесь достойный отпор.

Айболит нагнулся, поднял несколько плоских камней, нарушив покой каких-то чёрных жучков, рассовал их по карманам – это тем четверым на могилы.

Его товарищи сидели и стояли, и на их заветренных, потрескавшихся губах он видел усталые улыбки. Росинант водил кинокамерой. Работяга-Рыжий уже собирал в кольца верёвку. Пингвин уже двинулся к ножу. С неохотой покидал вершину Минарет. Вся его щеголеватая фигура джигита выражала восторг и победу, а на обожжённом лице его сквозь потрескавшиеся и кровоточащие губы сверкала белыми зубами улыбка.

Айболит смотрел на своих товарищей. Он ещё не мог знать, что добряк и весельчак Пингвин скоро погибнет в автокатастрофе, что безбашенный Казак бросит горы, а спустя годы появится у Айболита дома с уже неоперабельной опухолью, что Хромой Шмель, которому пророчили последнее восхождение, будет ещё долго и уверенно покорять семитысячники и почиет он в глубокой старости, что Росинант, Орёл, Минарет и Мона-Лиза много лет будут оставаться в отличной форме, что очаровательная Королева Марго, покорив сегодня свой восьмой семитысячник, вскоре покинет команду и будет отдыхать с семьёй только на море, а по ночам ей будут сниться снеговые горы и холодные ветры, он не знал, какие тяжкие испытания вскоре обрушатся на него самого и на Работягу-Рыжего.

Вниз лежал тот же путь и ожидали те же опасности, и снова надо было брать себя в руки, теперь – чтобы вернуться домой.

«А Рерих вычислил эти краски, он же...» – мелькнула догадка.

«Давай, шевели ногами, – прервал его Росинант, – и поскорей». Айболит встретился взглядом с Марго. Она уже ждала, загадочно улыбаясь.

«Добрый день, Марго, вы прекрасно выглядите». – «Спасибо, Доктор».

Забияка

Посвящается Горину, Лёне, Праведнику.

Они сидели втроём на этой узенькой скамеечке у двойной могилы, где и были захоронены тела Забияки и Пана Потоцкого, и крутили в руках пустые стаканы, не имея возможности помянуть: Ашот – потому что вёл машину, Бельмондо и Айболит – потому что обоим надо было выходить на смену. Эта история уже насчитывала восемь лет с тех пор, как Айболит принёс с вершины пика 7495 камни для возложения на могилы четверых – Шахини, Ткача, Забияки и пана Потоцкого, и медлить далее было невозможно, потому что уже исполнилось десять лет со дня той катастрофы, и в конце концов нужно было это завершить им самим. Они решили обойтись без посторонних и без торжественной обстановки. Это были их товарищи и их дело. Ашот вызвался ехать немедленно, освободившись на весь день, Бельмондо опять изобрёл какой-то новый клей и клялся, что он вечный, Айболит принёс мешочек из-под колышков, в котором хранились эти камни. Разрешение семей было Бельмондо получено, хотя никто из родни не явился и не было никого, кроме них самих, радовало также, что воронья из общественных организаций тоже не будет. Айболит вытащил из мешочка два камня с детский кулак каждый, Бельмондо их приклеил к надгробию, Ашот спросил их ещё раз, будут ли они пить, сунул бутылку в карман и пошёл прогревать мотор.

На обратном пути Ашот нервничал, был чёрным и страшным, и вообще плохо владел собой и на вопрос Айболита, что с ним, что-то пробубнил об идиотских вопросах, некстати заданных, а потом спросил, имеет ли Айболит понятие о том, кто кому должен закрывать глаза – ученики своему тренеру или тренер своим ученикам, резко бросил машину на обочину, остановил, открыл бутылку, поднёс к губам, раздумал, вновь закупорил и поехал спокойнее.

Из всех четверых, пожалуй, Забияка был самым проблемным. Выходец из альпинистской семьи, будучи самым младшим и забалованным, он влезал по малейшему поводу в самый бес-

компромиссный конфликт, сварливо отстаивая свою точку зрения, зачастую получая сдачу, и с избытком.

В экспедициях Забияка вечно жаловался на боли в пояснице, в колене и ещё в массе мест, где только было возможным сделать прогревание или массаж. И Забияка, и Айболит, оба довольно долго продолжали играть в больного и доктора, и Забияка однажды спросил Айболита, почему тот идёт на поводу. Айболит недолго думая обозвал его большим ребёнком, и на том прения сторон навсегда прекратились.

Положительными сторонами Забияки были его невероятная выносливость и способность быстро выбрать наиболее правильное решение, а в критической ситуации вся сварливость и нетерпимость слетали с этого юного дарования, как осенняя листва с дерева, обнажая редкое самообладание и ум.

...В первый же день прохождения стены у команды улетел рюкзак с рацией, и с той поры связь с ними была только визуальной. Они поднялись на вершину уже к исходу шестого дня, и Гусь с Мулюком, поднявшись на сопредельный пик, перекрикивались с ними. Их последние слова были: «Устали очень», потом они начали спускаться и не пришли...

Их истерзанные и перекрученные тела нашли вжатыми в скальный кулуар и перепутанными верёвкой, которой они были связаны ещё при жизни, а когда руки Забияки были развёрнуты, все увидели, что пальцы на обоих ладонях его были стёрты до костей и сухожилия были стёрты тоже...

Значит, был срыв, срыв всей четвёрки сразу, а Забияка дрался до конца, дрался за жизнь всех четверых. Айболит почему-то помнил фразу, сказанную неизвестно кем: «Он не воспользовался ножом». Тогда, в дни молодости, Айболит пропустил её мимо. На горе почти у каждого на поясе висел хорошо отточенный финский нож, мало ли для каких нужд, так же, как и ложка в кармане рюкзака.

...Уже прошло очень много лет, и канула в историю та страна, и уже ушли в мир иной и все родственники Забияки, и Ашот, и Арлекин, и за стенами Айболитовской квартиры другой мир и другая страна, и Айболитом его уже никто не зовёт, а только внезапное воспоминание молнией высветит что-нибудь из памяти и всплывает гусиной кожей на руках и ускоренным биением сердца быть, почти забытая, как сон, и возвращается боль потерь...

Айболиту нравилась эта маленькая и уютная синагога, а ещё он уважал этого худощавого и очень образованного, с прекрасным английским и без местечкового акцента, ортодоксального рабая, за то, что когда-то, когда в синагогу ворвался хулиган с ножом, этот рабай немедленно и очень быстро трахнул того по башке Ветхим Заветом, переплетённым в кожу с металлом, доказывая, что знание – это великая сила, и заставил эту силу уважать. И однажды, в одну из суббот, после утренней молитвы, за завтраком, Айболит поведал рабаю о том, как погибла четвёрка его друзей, ничего не упустив. Не будучи альпинистом, рабай сразу обратил внимание на фразу с ножом, и хотя Айболит сообщил рабаю, что никому и в голову никогда не придёт мысль перерезать верёвку, рабай остановил Айболита поднятием руки и спросил, случалась ли у Айболита сходная ситуация. Получив отрицательный ответ, рабай произнёс: «Поверьте, самый сильный инстинкт у любого живого существа – это инстинкт самосохранения. И никто никогда не знает, как каждый будет вести себя в критической ситуации. Как я понял, но не стану утверждать, что все, кроме Забияки, уже получили тяжёлые увечья или были без сознания, иначе, по вашему описанию, это были не такие люди, чтобы просто погибнуть без борьбы. Шансов их спасти не было, а инстинкт громко подсказывал ему воспользоваться ножом. И между последующей жизнью в бесчестии и совершенно безнадёжной борьбой за жизнь своих товарищей он выбрал последнее. И, насколько я понимаю в физике, если бы ещё один из них был бы способен зацепиться, Забияка имел бы вероятность их удержать. Я прошу вас, зажигайте свечи в его честь и молитесь в его память, но не забывайте и остальных. Я догадываюсь, что он носил крест, а может быть, и ничего, но Бог зажёт Солнце и создал Небо и Землю для

всех людей без различия Веры и повелел нам молиться за праведников так же, без различия их Веры. И вечная память этому Герою. Аминь».

Когда замерзало солнце

«Человек никогда не привыкнет к холоду».

Ф. Нансен

Музджилга один, или Когда замерзали ампулы

«В общем, настала пора завершать зимние восхождения», – заключил Ашот, как всегда, принимая решения в узком кругу и обязательно в своей бане. Это надо выносить на федерацию, и вперёд.

Айболит участвовал во всех предыдущих зимних сборах начиная с 1972 года, когда он только попал в эту команду и они поехали в альплагерь Дугобу, ночевали на пупе Сельского. Дошли до Акташа, снега было по пояс, погода портилась, а на осыпном склоне спокойным летом можно было схлопотать лавину. Это уже было неинтересно и холодно. Они повернули назад, залезли в домик КСП и, раскочегарив печку, нашли это более удобным занятием.

1974 г. Декабрь. Экспедиция на Кызыл-Огин. Он вспомнил этот студёный Памирский тракт, как спали в кузове ехавшего грузовика, устланном мягкими вещами, а Шахиня положила свою голову Айболиту на грудь, и это было самое приятное воспоминание у него от этой экспедиции, потому что после установки двух промежуточных лагерей поднялась метель, не унимавшаяся неделю. А два дня хорошей погоды ушли на свёртывание лагерей и эвакуацию, и Айболит с Росинантом проклинали ашотовскую осторожность до тех пор, пока на третий день погода не сошла с ума и они рады были, что унесли оттуда ноги.

1975 г. Декабрь. Лагерь Дугоба. Маршрут 5В. Подкова СаГу. Айболит сидел у подножья с Арлекином и Хохлом, пока подкова не была пройдена. После восхождения Мулюк сидел дома в тёплой ванне три дня, не желая вылезать, Ткач, как всегда, катался на горных лыжах, а Мона-Лиза заявил, что он никогда в жизни больше не согреется.

И теперь – 1984 г., декабрь, Музджилга высотой около 6200 м. Айболит помнил этот райский уголок, где была метеостанция с нелюдимым начальником, кому он когда-то удалил много дней болевший зуб, после чего тот, проникшись уважением к Айболиту, а заодно и ко всей команде, стал им всем лучшим другом.

Они выбрали одно из двух мощных рёбер, ведущих на главный массив Музджилги, и, начав подъём по этому ребру, заметили, что идут по следу снежного барса. Их здесь много водилось, в этой части Памира. Они знали, что барс, обходя свои владения, предпочитает идти по гребням и рёбрам, откуда он имеет обзор по обе стороны. Айболит вспомнил рассказ Ашота о мулле из Дараут-Кургана, ныне покойном, который, когда Ашот приезжал, всегда был рад встрече с ним и восклицал: «Эй, Элчибек, приехал. Пошли на барса», потом снимал чалму, надевал солдатскую ушанку, и они уходили вдвоём на пару дней и в большинстве случаев возвращались со шкурой барса. Это сейчас барса снимают из винта с оптическим прицелом, с безопасного расстояния, а тогда мулла имел прадедовский кремниевый мультук, и это была честь – быть помощником на столь опасной охоте. Барс обычно избегал людей, справедливо считая, что ждать тут милости нечего, однако в безвыходном положении был предельно жесток и дрался до конца, нередко выходя победителем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.